

Научная статья

<https://doi.org/10.31862/1819-463X-2026-4-11-18>

УДК 821.161.1

5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

РЕЦЕПЦИЯ ГОРЬКОГО В АРАБСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: сравнительный анализ переводов

М. М. А. Абделлатиф

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются особенности восприятия творчества Максима Горького в арабском культурном пространстве сквозь призму переводов его произведений и их идейно-художественной адаптации. Исследование опирается на комплексный сравнительный анализ переводов, выполненных в Сирии, Ираке, Египте и Ливане, а также на труды арабских литературоведов, посвященные изучению наследия Горького. Показано, что рецепция творчества русского писателя в арабском мире развивалась поэтапно – от идеологической интерпретации к философско-гуманистической. Отмечается, что творчество автора воспринималось как духовный и моральный ориентир, созвучный гуманистическим и религиозно-этическим традициям арабской литературы. Обосновано, что арабская рецепция Горького стала феноменом культурного синтеза, в котором русская идея гуманизма обрела новые смыслы и контекст.

Ключевые слова: М. Горький, арабская литература, перевод, рецепция, арабо-русские литературные связи

Для цитирования: Абделлатиф М. М. А. Рецепция Горького в арабском культурном пространстве: сравнительный анализ переводов // Наука и школа. 2026. № 4. С. 11–18. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2026-4-11-18>.

© Абделлатиф М. М. А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

RECEPTION OF MAXIM GORKY IN THE ARAB CULTURAL SPACE: a Comparative Analysis of Translations

M. M. A. Abdellatif

Saint Petersburg State University

Abstract. *The article examines the reception of Maxim Gorky's works in the Arab cultural space through the prism of translation and ideological adaptation. The study is based on a comparative analysis of Arabic translations produced in Syria, Iraq, Egypt, and Lebanon, as well as on the research of Arab scholars dedicated to Gorky's heritage. It reveals that the perception of Gorky's works in Arab culture evolved from an ideological to a humanistic and philosophical interpretation. It is noted that the author's work was perceived as a spiritual and moral compass, consonant with the humanistic and religious and ethical traditions of Arabic literature. The paper concludes that Gorky's reception in the Arab world represents a phenomenon of cultural synthesis, in which the Russian idea of humanism found renewed significance and context.*

Keywords: *Maxim Gorky, Arabic literature, translation, reception, Arab-Russian literary connections*

Cite as: Abdellatif M. M. A. Reception of Maxim Gorky in the Arab Cultural Space: A Comparative Analysis of Translations. *Nauka i shkola*. 2026, No. 4, pp. 11–18. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2026-4-11-18>.

Фигура Максима Горького занимает особое место в истории мировой литературы. Его творчество стало не только художественным отражением эпохи социальных потрясений России конца XIX – первой трети XX в., но и одним из ключевых факторов диалога между русской и арабской культурами. Интерес к Горькому на Арабском Востоке был обусловлен не только идейной близостью его произведений к социальным поискам и освободительным устремлениям проживающих здесь народов, но и особой философией гуманизма, в которой восточные интеллектуалы усматривали созвучие собственным духовным и моральным идеалам. Уже в 1920–1930-е гг. арабская литературная пресса осознала Горького как «пророка революции» и мыслителя, чье слово обладает универсальной значимостью для народов, переживавших период антиколониальной борьбы и становления национальной идентичности [1].

Проблема рецепции Горького в арабском культурном пространстве до сих пор не получила целостного осмысления. В трудах таких исследователей, как Э. А. Ализаде, М. К. Х. Аль-Масуд и А. А. Семина, рассматривались отдельные аспекты – история переводов, тематические акценты, стилистическая адаптация и идеологические интерпретации, – однако сопоставительный анализ переводов, созданных в разных странах арабского мира и связанных с их политическим и культурным контекстом XX в., остается недостаточно разработанным [1–4].

Целью настоящей статьи является восполнение этого пробела путем детального сопоставления конкретных переводческих версий произведений Горького, выполненных в ключевых странах арабского мира. Научная новизна работы заключается в том, что она смещает фокус с общей истории рецепции (что было сделано

в трудах М. К. Х. Аль-Масуда, в частности в его диссертации «Рецепции произведений М. Горького о русской революции...» [3] и статьях [1], а также в монографии Э. А. Али-заде «Русская литература и арабский мир» [2]) на микроуровень переводческих стратегий.

Методологически работа опирается на сравнительно-сопоставительный и лингвостилистический анализ, позволяющий выявить интерпретационные сдвиги при переносе текста в иную культурную среду.

В центре внимания – анализ двух ключевых переводов романа «Мать»: сирийского (1936 г., переводчики Раиф Хури, Лиян Дейрани и др. [5]) и иракского (1947 г., коллективный перевод издательства «Аль-Ахали» [6]). Такой подход позволяет не только констатировать различия в восприятии, но и показать, как через конкретные языковые и смысловые решения (от выбора лексики до адаптации символики) формировались различные культурные образы Горького – от «хранителя революционного канона» в Сирии до «поэта национального сопротивления» в Ираке. Существенную роль в этом процессе сыграл арабский литературный ренессанс – нахда (период с середины XIX в. по 1930-е гг., характеризующийся подъемом арабской светской мысли, обновлением литературного языка и активным интересом к переводу зарубежной классики, в частности произведений Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского), направленный на обновление культурной традиции и освоение мирового литературного опыта.

В этой интеллектуальной среде особенно возрастал интерес к фигуре писателя-просветителя, способного соединить национальную этику с универсальными гуманистическими идеалами. Именно в такой контекст органично вошло имя Горького – сначала через европейские, а затем и через арабские переводы его произведений [1; 2].

Первые признаки устойчивого интереса к русской литературе появились в египетской и ливанской периодике начала XX в., где русскую словесность рассматривали как источник нравственного обновления. Для критиков эпохи ранней нахды она была прежде всего «литературой совести» – пространством морального высказывания [2]. Переводы Л. Н. Толстого («Воскресение», «Анна Каренина») и Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание»), циркулировавшие в арабской печати, подготовили почву для восприятия Горького, чье имя быстро стало символом нового типа писателя – борца и наставника. Уже в 1920–1930-е гг. в арабском сознании Горький закрепился как «революционный пророк», а его герои – как образы пробуждающейся социальной воли.

История появления произведений Горького в арабском культурном пространстве тесно связана с политическими процессами первой трети XX в. После Первой мировой войны и на фоне антиколониальных движений в Сирии, Ираке и Египте арабская интеллигенция активно обращалась к литературе, способной выразить переживаемый исторический опыт. Именно тогда, в 1930-е гг., в арабской печати появились первые переводы Горького; роман «Мать», публиковавшийся в 1936 г. в дамаском журнале «Атталия», стал важным текстом, соединившим русскую революционную традицию с арабскими представлениями о социальной справедливости [1].

Для понимания различий в рецепции необходимо учитывать конкретные переводческие версии. Сирийский перевод «Матери», выполненный коллективом переводчиков (Раиф Хури, Лиян Дейрани и др.) и опубликованный в 1936 г. в журнале «Атталия» (№ 6–7) [5], отражал атмосферу раннего национального возрождения. Иракская версия, выпущенная в 1947 г. издательством «Аль-Ахали» [6] коллективом

переводчиков, формировалась в условиях активного общественного подъема и усиления антиколониальных настроений.

Сопоставление этих двух изданий показывает, насколько по-разному складывались культурные ожидания и читательские потребности в разных странах арабского мира

Как отмечает Аль-Масуд, эти контексты прямо влияли на интерпретацию романа: сирийские переводчики стремились сохранить идейный и стилистический строй оригинала, тогда как в Ираке текст адаптировался под аудиторию середины XX в., акцентируя мотивы национального единства и сопротивления угнетению [1]. В частности, финальная сцена ареста Павла в иракском переводе была дополнена риторическим оборотом «йа абнаа аль-ватан» (о сыны отечества), отсутствующим в оригинале и сирийской версии, что усиливало национально-патриотическое звучание текста.

На рубеже XX–XXI вв. интерес к Горькому получил новое направление. Арабские исследователи все чаще рассматривали его не только как революционного автора, но как мыслителя гуманистического склада. Новейшие работы подчеркивают, что влияние Горького проявилось прежде всего в освоении идеи «творческого гуманизма» – убеждения в способности человека преодолеть социальное зло через труд, образование и внутреннее усилие [3; 7].

Необходимо подчеркнуть и значение личных контактов Горького с зарубежными литераторами. Его переписка с писателями Европы и Востока, опубликованная в 1960 г., свидетельствует о стремлении писателя к культурному единению народов, диалогу между цивилизациями [8]. Эта гуманистическая установка стала важной частью образа Горького, который укоренился в арабском сознании. Совокупность этих факторов – исторических, политических и эстетических – определила направление ранней рецепции Горького в арабском мире. Его произведения воспринимались не только как художественные тексты, но и как моральные ориентиры, формирующие новую культурную идентичность арабского читателя. Переводы, выполненные в Сирии, Ираке, Египте и Ливане, в частности, переведенные в Египте Абдуль Халимом аль-Бишлави пьесы «На дне» и «Мещане», а также рассказы, отражают специфику локальных традиций и идеологических контекстов. Центральное место в этом процессе занимает роман «Мать», ставший ключевым текстом русско-арабского литературного диалога XX в.

Сирийская версия романа, опубликованная в 1936 г. в журнале «Атталиа», отличается точной передачей стиля Горького: переводчики (Раиф Хури, Лиян Дейрани и др.) сохраняли синтаксические и интонационные особенности оригинала, адаптируя текст к нормам фусхи (литературного арабского языка). Это придавало повествованию торжественно-риторический характер, близкий арабской публицистике периода национального подъема, и подчеркивало идеи коллективизма и солидарности. Например, в сцене первомайской демонстрации переводчики используют лексему «ихва» (братья) там, где у Горького сказано «товарищи», смещая акцент с политического товарищества на кровно-духовную общность [5].

Иракская интерпретация формировалась в иных условиях. Перевод 1947 г. появился на фоне усиления национального движения и приобрел более публицистическую окраску. Христианские символы оригинала, такие как уподобление Павла Христу, нередко заменялись универсальными категориями веры и справедливости, понятными широкой мусульманской аудитории (табл. 1) [1].

Таблица 1

**Сравнительная характеристика сирийского и иракского переводов
романа М. Горького «Мать»**

Параметр сравнения	Сирийский перевод (1936)	Иракский перевод (1947)
Форма публикации и авторство	Отрывки в дамасском журнале «Ат-талиа» (№ 6–7). Переводчики: Раиф Хури, Лиян Дейрани и др. [1; 5]	Полный текст в двух томах. Издательство «Аль-Ахали» (Багдад) [1; 6]
Языковая основа	Классический литературный арабский (фусха)	Смешение фусхи и разговорных элементов, стилистический разноречивый, объясняемый коллективным характером работы [1]
Стратегия перевода	Дословная, с сохранением синтаксиса оригинала, но с заменой отдельных реалий для арабского читателя	Адаптационная, с купюрами идеологически неудобных фрагментов и переосмыслением религиозных аллюзий [1; 9]
Передача бытовых реалий (пример)	Русская «клюква» заменена на понятную арабу реалию. У Горького: «Из нас жмут кровь, как сок из клюквы!». В сирийском переводе (Л. Дейрани) – «... как сок из фиников» [1, с. 61]	Та же фраза переведена иначе: «...как сок из тутовых ягод» (по данным перевода журнала «Аль-Маджалла») [1, с. 61]
Передача библейской топонимики и имен (пример)	Евангельский топоним Эммаус заменен на Голгофу; полностью исключено упоминание об Иуде, что объясняется ориентацией на мусульманскую аудиторию и политической ситуацией [1, с. 61]	Подобные замены менее документированы, однако общая тенденция к дехристианизации прослеживается и здесь (образ «священный» заменяется на «великий»)
Идеологическая адаптация (пример)	Стремление сохранить революционный пафос без существенных купюр	Прямая политическая цензура. В речи Павла на суде вместо горьковского: «Долой частную собственность... вся власть – народу» дано расплывчатое: «потому что власть принадлежит народу» [1, с. 62]
Тональность	Эпическая, повествовательно-документальная	Публицистическая, мобилизующая
Символика	Сохранение религиозных метафор с поправкой на исламский контекст. Пример: образ матери, благословляющей сына на борьбу, может сопровождаться лексемой «мукаддас» (священный)	Замена на универсальные и социальные образы. Пример: тот же образ передан через слово «азым» (великий), лишенное конфессиональной окраски

Различия между сирийской и иракской переводческими традициями получили в арабской критике противоположные оценки: первую в работах ливанских филологов видели «хранителем подлинности» русского текста, вторую иракские критики характеризовали как более народную и модернизирующую. Тем не менее обе линии способствовали формированию образа Горького как автора, говорящего «языком борьбы» и «словом совести» [1].

Во второй половине XX в. переводы Горького становятся профессиональнее. В Египте и Ливане, где литературное пространство было теснее связано с европейской культурой, переводчики нередко опирались на английские и французские издания, что влекло за собой вторичные интерпретации [3].

Особое значение имели переводы его рассказов и пьес – прежде всего «На дне» и «Мещан».

В арабской печати 1950–1960-х гг. они воспринимались как универсальные социальные драмы, в которых переводчики стремились выделить не столько классовый конфликт, сколько экзистенциальные и моральные вопросы. Адаптации часто становились самостоятельными театральными произведениями, вписанными в местную сценическую традицию и переосмыслявшими конфликт личности и общества через призму этических и религиозных категорий [10].

Рецепция Горького в арабском культурном пространстве прошла три этапа: идейно-политический, культурно-гуманистический и филологический. Переводы сначала служили инструментом идеологической солидарности, затем – средством культурного самоопределения, а позже – объектом научного анализа в трудах таких исследователей, как Аль-Масуд и Али-заде. В современной арабской литературной науке творчество Горького все чаще рассматривается как универсальное выражение стремления человека к свободе и достоинству [4; 7].

Упомянутые выше исследования произведений «Фома Гордеев» и «Дело Артамоновых» подтверждают этот сдвиг: арабские критики все чаще видят в них не только социальную проблематику, но и философию личной ответственности и духовного преодоления, что сближает Горького с этическими идеалами восточной литературы [10].

Существенное значение имели и визуально-символические образы, в частности архитектурная семантика «дома-тюрьмы» и «золотой клетки», ассоциированные с фигурой Горького [9], что сближает русскую и арабскую традиции восприятия поэта-пророка – фигуры, вынужденной нести истину миру ценой личной свободы.

Итак, рецепция творчества Максима Горького в арабском культурном пространстве представляет собой уникальное явление межкультурного диалога, в котором пересеклись художественные, этические и философские традиции двух миров – русского и арабского.

Проведенный анализ показал, что интерес к Горькому в арабском мире был продиктован глубоким совпадением идей писателя с социальными и моральными запросами арабского общества XX в. Сравнение двух переводов романа «Мать» – сирийского (1936) и иракского (1947) – позволило выявить, как конкретные переводческие решения – от верности оригиналу до целенаправленной культурной адаптации – формировали многогранный образ автора. Для арабского читателя Горький представлял одновременно как революционный провозвестник, наставник совести и гуманист, близкий собственной традиции. Опыт арабского прочтения Горького свидетельствует: литература способна становиться пространством эмпатии, когда чужой текст, проходя через фильтры перевода, интегрируется в иную культуру, обнаруживая общие для человечества смыслы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аль-Масуд Мохаммед Кадим Хассун. История публикации произведений М. Горького в арабских странах первой трети XX в. // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2014. № 2. С. 48–51.
2. Али-заде Э. А. Русская литература и арабский мир (к истории арабо-русских литературных связей). Кн. 2 / отв. ред. И. Е. Билык. М.: ИВ РАН, 2020. 384 с.
3. Аль-Масуд Мохаммед Кадим Хассун. Рецепции произведений М. Горького о русской революции в литературах стран Арабского Востока: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014. 16 с.
4. Семина А. А. Горький сегодня (круглый стол к 150-летию со дня рождения) // Вестн. Московского ун-та. Сер. 9: Филология. 2018. № 2. С. 253–260.
5. العددان 6–7. دمشق، 1936. – جوركي، م. الأم / ترجمة رائف خوري، ليان ديراني وآخرون // الطليعة [Горький М. Мать / пер. Раифа Хури, Лиана Дейрани и др. // Дамаск: Ат-Тали'а. 1936. № 6–7].
6. الأم، م. جوركي. «الأهالي» نشر لدار جماعية ترجمة / الأم، م. جوركي. 1947. – مج 2. [Горький М. Мать / колл. перевод изд-ва «Аль-Ахали». Багдад: Аль-Ахали, 1947. В 2 т.].
7. Доманский Ю. В. Восток у Горького. Рец. на кн.: Русакова М. В. Восточные мотивы в творчестве М. Горького. Душанбе: РТСУ, 2022. 110 с. // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 3. С. 139–144.
8. Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 443 с.
9. Леонова Ю. В. Золотая клетка пророка: архитектурно-компаративный очерк об усадьбах Х. Н. Бялика в Тель-Авиве и А. М. Горького в Москве // Новое искусствознание. 2021. № 3. С. 67–73. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-3437-2021-3-67-73>.
10. Аль-Масуд Мохаммед Кадим Хассун. Проблемы нравоописания в произведениях М. Горького и их интерпретация в арабской литературе (на примере произведений «Фома Гордеев» и «Дело Артамоновых») // Образование и общество: научный, информационно-аналитический журнал. 2014. № 3 (86), май–июнь. С. 118–121.

REFERENCES

1. Al-Masud Mokhammed Kadim Khassun. Istoriya publikatsii proizvedeniy M. Gorkogo v arabiskikh stranakh pervoy treti XX v. *Vestn. Voronezhskogo gos. un-ta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika*. 2014, No. 2, pp. 48–51.
2. Ali-zade E. A. *Russkaya literatura i arabskiy mir (k istorii arabo-russkikh literaturnykh svyazey)*. Kn. 2. Ed. by I. E. Bilyk. Moscow: IV RAN, 2020. 384 p.
3. Al-Masud Mokhammed Kadim Khassun. Retseptsii proizvedeniy M. Gorkogo o russkoy revolyutsii v literaturakh stran Arabskogo Vostoka. *Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Voronezh, 2014. 16 p.
4. Semina A. A. Gorkiy segodnya (kruglyy stol k 150-letiyu so dnya rozhdeniya). *Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. 9: Filologiya*. 2018, No. 2, pp. 253–260.
5. العددان 6–7. دمشق، 1936. – الطليعة // وآخرون ديراني ليان، خوري رائف ترجمة / الأم، م. جوركي 6–7. [Gorky M. The Mother. Transl. Raif Khuri, Liyan Dayrani et al. *Damascus: At-Tali'a*. 1936. Iss. 6–7].
6. الأم، م. جوركي. «الأهالي» نشر لدار جماعية ترجمة / الأم، م. جوركي. 1947. – مج 2. [Gorky M. *The Mother*. Coll. transl. by Al-Ahali Publishing House. Baghdad: Al-Ahali, 1947. In 2 vols].

7. Domanskiy Yu. V. Vostok u Gorkogo. Rets. na kn.: Rusakova M. V. Vostochnye motivy v tvorchestve M. Gorkogo. Dushanbe: RTSU, 2022. 110 p. *Vestnik RGGU. Ser.: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya.* 2023, No. 3, pp. 139–144.
8. Perepiska A. M. Gorkogo s zarubezhnymi literatorami. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. 443 p.
9. Leonova Yu. V. Zolotaya kletka proroka: arkhitekturno-komparativnyy ocherk ob usadbakh Kh. N. Byalika v Tel-Avive i A. M. Gorkogo v Moskve. *Novoe iskusstvoznanie.* 2021, No. 3, pp. 67–73. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-3437-2021-3-67-73>.
10. Al-Masud Mokhammed Kadim Khassun. Problemy nравоopisaniya v proizvedeniyakh M. Gorkogo i ikh interpretatsiya v arabskoy literature (na primere proizvedeniy “Foma Gordeev” i “Delo Artamonovykh”). *Obrazovanie i obshchestvo: nauchnyy, informatsionno-analiticheskiy zhurnal.* 2014, No. 3 (86), May–June 118–121.

Абделлатиф Махмуд Мохамед Ахмед, аспирант 2-го года обучения, кафедра истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет

Abdellatif Mahmoud Mohamed Ahmed, PhD Post-graduate Student, Year 2, History of Russian Literature Department, Saint Petersburg State University

e-mail: st123144@student.spbu.ru

Статья поступила в редакцию 08.04.2026; принята к публикации 02.06.2026
The article was submitted 08.04.2026; accepted for publication 02.06.2026